

Обдумав это предложение, Сянь Цай решил сходить на прослушивание с музыкальным режиссером. Однако на самом деле не только он хотел встретиться с Яо Инем, но и Яо Инь хотел встретиться с ним.

Этот мюзикл назывался «В ожидании полуночного солнца». Сюжет основывался на истории больного шизофренией, который пытался спасти сам себя. Оригинальный сценарий был переработанной анонимной автобиографией. Главный герой часто слышал некий голос, который говорил с ним в его воображении. Этот голос был не только его другом, но и врагом. Этот голос насмеялся над ним, причинял ему боль, и все же ободрял его.

На рынке постановок прошел слух, что права на этот автобиографический роман перекупил актер Чан Ихэн. Теперь, получив одобрение на постановку фильма-ремейка, он собирался выступить в нем в качестве режиссера-постановщика и исполнителя главной роли.

С этим ореолом информации постановка музыкального проекта «В ожидании полуночного солнца» продвигалась гладко, но с определенными трудностями. Гладкости придавало то, что в такой ситуации было легко найти инвесторов и привлечь режиссеров-постановщиков. Трудность же заключалась в том, что ни один музыкальный актер не решался взяться за эту роль, потому что все боялись, что их будут сравнивать с императором кино. И вот, когда команда наконец-то определилась с актером на главную роль, тот от нее отказался!

Команда умоляла дедушку сказать бабушке*, чтобы та осмотрелась по сторонам, и вот наконец их взор упал на Сянь Цая. [Прим. англ. пер. «Умолять дедушку сказать бабушке» - поговорка, которая означает, что нужно пройти еще через один раунд неприятностей, чтобы что-то закончить.]

Сянь Цай же и не предполагал, с какими трудностями ему предстоит столкнуться, когда присоединился к труппе. Но на этом беды не закончились – оказалось, что это был моноспектакль!

Да, все так и было. Они попросили Сянь Цая сыграть двенадцать ролей в одиночку, переодеваясь на ходу. Он, единственный человек, в течение двух часов должен был петь, танцевать и общаться с публикой. После того, как Сянь Цай получил краткое изложение сюжета, он потерял дар речи.

Он моргнул и спросил:

- Я еще не подписал контракт, я могу отказаться от этой работы?

Продюсер заулыбался, встал и вместе с режиссером потащил упирающегося Маленького Лебеда в студию звукозаписи Яо Иня.

На самом деле Яо Инь был композитором мюзикла «В ожидании полуночного солнца». Но так как он беспокоился о том, как будет представлена его работа на сцене, то решил стать еще и

музыкальным режиссером-постановщиком.

Люди, незнакомые с внутренней кухней музыкального театра, могли бы подумать, что и песни, и реплики сценария создавались одним человеком. На самом деле это было очень редким явлением. Обычно композитора, который сочинял песни и вписывал в музыку текст, находили уже после того, как сценарий был готов. Во многих случаях должность музыкального режиссера-постановщика занимал по совместительству дирижер, пианист или даже актер.

До встречи с Яо Инем Сянь Цай много раз фантазировал о том, чтобы поработать с композитором, который занимался не только мюзиклами.

Но он не ожидал, что Яо Инь окажется... такой личностью.

Сянь Цай не мог определить, сколько тому было лет - ему могло быть как около двадцати, так и около тридцати. Яо Инь поджал губы и критически посмотрел на Сянь Цая. Непредсказуемый темперамент сочетался у него с нейтральным выражением лица. Его длинные волосы были стянуты в небольшой пучок на макушке, в каждом ухе висела гроздь сережек - и все они выглядели весьма ценными.

Из-под манжет свитера вылезала иссиня-черная татуировка, плотный узор которой охватывал все пять пальцев Яо Иня. Это совсем не походило на руку музыканта - по крайней мере на руки тех музыкантов, которых встречал Сянь Цай. Чтобы сохранить чувствительность нервов, те не допускали на пальцах никаких следов.

- Здравствуйте, Учитель Яо, - Сянь Цай первым протянул руку.

- Не называйте пока меня Учителем, - Яо Инь оборвал его холодным голосом. - Позвольте мне услышать, как вы поете.

Сказав это, он вручил Сянь Цаю лист с нотами.

Яо Инь был композитором и автором песен, а песня на листе называлась «Полуночное солнце». Это означало, что песня, которую получил Сянь Цай, скорее всего, станет лейтмотивом мюзикла.

Яо Инь дал Сянь Цаю всего пять минут на подготовку, а затем сразу же попросил его спеть с живой музыкой - фортепианным аккомпанементом в сопровождении двух скрипок. Скрипач нерешительно напомнил Яо Иню:

- Господин Яо, мы еще не репетировали этот фрагмент...

- Сколько лет вы играете на скрипке? - Яо Инь поднял брови.

- Двадцать два года.

- И за эти двадцать два года вы не научились читать ноты во время игры?

- ...

И вот так ведущий актер, который впервые читал свою партитуру, начал первую совместную работу с тремя музыкантами, которые тоже читали партитуру в первый раз.

«Полуночное солнце» представляло собой песню в грустной тональности. Главный герой назвал голос, появившийся в его галлюцинациях полуночным солнцем, потому что тот олицетворял вечный свет и яркое солнце, которое светило всегда.

Главный герой разговаривал с полуночным солнцем. Больным шизофренией на ранних стадиях трудно осознать, что они больны. Герой ошибочно полагал, что полуночное солнце было его жестоким и нежным невидимым другом.

Сянь Цай попробовал спеть эту песню в первый раз. В тот момент он еще не полностью пришел в нужное состояние, и голосовые связки у него были немного напряжены. Он чувствовал, что его голос плывет, а на более высоких нотах прямо распадается и переходит в фальцет, словно дирижерская палочка,двигающаяся в неверном направлении.

Неожиданно Яо Инь спокойно отнесся к недостаткам в его исполнении, в нескольких словах указал на ошибки и попросил его попробовать спеть во второй раз.

Потом настал третий.

За ним - четвертый и пятый.

После пяти попыток Сянь Цай и трио музыкантов становились все лучше и лучше. Будь то эмоции или интонации - никаких явных ошибок не было слышно. Спев эту требующую великолепного мастерства музыкальную тему пять раз подряд, Сянь Цай так устал и вспотел, что ему просто хотелось лечь на пол.

Уголок рта Яо Иня наконец приподнялся на один миллиметр - Сянь Цай даже задался вопросом, не почудилось ли это ему - а тот хлопнул в ладоши и сказал:

- Очень хорошо, мы закончили разогрев.

Сянь Цай:

- ... - разогрев?

Музыканты:

- ... - разогрев?

Яо Инь пролистнул сценарий у себя в руках и торопливо сказал:

- Песня «Полуночное солнце» звучит трижды, и каждый раз главный герой испытывает разные чувства. Это экстаз от встречи с новым другом, боль от осознания того, что этот новый друг – плод его галлюцинаций, и умиротворение после спокойного наблюдения за ним. Из этих трех состояний «экстаз» является лучшим исполнением. Посмотрите в сценарий и попробуйте через десять минут.

Главный режиссер, сидевший неподалеку, боялся спугнуть их последнюю надежду получить актера на главную роль и быстро сказал:

- Сяо Яо, Сянь Цай в первый раз читает сценарий, дайте ему побольше времени.

Кто знал, о чем он тогда думал, однако Сянь Цай по своей инициативе заявил, что это не имеет значения:

- Режиссер, музыкальный режиссер, я хочу попробовать.

Сначала у него были сомнения по поводу этой работы, но эти пять «разогревов» заставили его глубоко проникнуть в эмоции главного героя – Сянь Цай хотел его сыграть! И он хотел сыграть его хорошо.

Он хотел, чтобы этот персонаж сошел со страниц сценария и живым предстал перед зрителями. Он хотел показать его радость, его горе, его гнев, всю его борьбу и пережитые им трудности.

Яо Инь поднял брови и посмотрел на него.

- Малыш, ты очень уверен в себе.

Сянь Цай не ответил, он смотрел в сценарий у себя в руках.

Десять минут спустя Сянь Цай закрыл глаза и молча воспроизвел по памяти сцену у себя в голове. Когда юноша вновь открыл глаза, они были полны уверенности. Он не взял с собой текст песни, а подошел к музыкантам с пустыми руками.

- Как он может?.. - опешил продюсер.

В следующую секунду Сянь Цай уже произнес свою первую реплику:

- Где ты?.. Кто ты?.. Ты меня тоже бросишь, как и они?..

- Я тебе нравлюсь?.. Я тебе правда нравлюсь? Я... я... ты мне тоже нравишься!

- Тогда с этого момента мы будем друзьями!!!

И в этот момент актер «воплотил образ в жизнь».

Продюсер и режиссер обменялись взглядами и одновременно кивнули.

Пролистав сценарий всего за десять минут, Сянь Цай смог до такой степени понять этого персонажа. С таким молодым актером-источником вдохновения их будущее должно было стать безграничным.

Первоначально Яо Инь планировал позволить Сянь Цаю только спеть песню, но кто мог подумать, что тот по своей инициативе исполнит и предшествующие реплики, со всеми движениями и проявлениями радости и горя... Все пребывали в трансе, как будто на их глазах появляется главный герой.

Яо Инь быстро подошел к пианисту и прошепел:

- Вставай!

- А? - пианист не понял.

- Ты не можешь за ним угнаться, - сказал Яо Инь. - Дай я это сделаю.

Пианист поспешно уступил место. Яо Инь тут же властно занял табурет, стоявший за инструментом. Его десять пальцев гибко потянулись в воздухе дюжину раз, а затем он поднял запястья, опустил локти и мягко нажал на клавиши.

В тот же самый момент реплики актера полностью закончились. Сянь Цай поднял голову, словно заглядывая в далекое ничто, и взял свою первую ноту.

С кончиков пальцев Яо Иня полились чарующие звуки, напоминающие шквал и дождь. С момента, как Сянь Цай открыл рот, он увеличил первоначальную скорость «Полуночного солнца» в три раза по сравнению с исходной версией, и Яо Инь без колебаний последовал за

ним.

Сянь Цай пел, пел, пел во всю мощь.

Чистое и возвышенное пение юноши вместе с бурным перебором черных и белых клавиш потрясли всех.

Глаза Яо Иня не отрывались от Сянь Цая: такого страстного голоса он не слышал уже давно! Он был твердо убежден в том, что главного героя «В ожидании полуночного солнца» должен играть Сянь Цай. Только Сянь Цай был достоин песен, которые он написал!

.....

Есть поговорка, которая гласит: «Вы не узнаете друг друга как следует, пока не поссоритесь». Ну а про Сянь Цая и Яо Иня можно было сказать: «Вы не узнаете друг друга как следует, пока не споете».

После прослушивания Яо Инь начал глядеть на Сянь Цая другими глазами, и тут же пожелал, чтобы они прямо сейчас стали названными братьями.

- Учитель Яо, я прошел ваш тест? - спросил Сянь Цай.

- Не называй меня Учителем Яо! - ответил Яо Инь, улыбаясь так, будто он был совсем другим человеком. - Мы уже так хорошо знакомы, что ты можешь звать меня Мелоди!

Сянь Цай захотел спросить его, когда это они успели так хорошо познакомиться?

После официального подписания контракта Сянь Цай получил полный сценарий с 15 фрагментами сольного вокала, написанными Яо Инем для пьесы. Вся драма «В ожидании полуночного солнца» длилась менее двух часов, и ее ритм был очень плотным. Только сценарий включал десятки тысяч иероглифов. Сянь Цай никогда раньше не играл в моносpectаклях и поэтому, когда режиссер вручил ему толстую пачку листов, у него внезапно возникло желание сбежать.

Однако о подобном он мог только мечтать. Ему нравилась эта роль, нравились эти песни, нравился этот спектакль, а самое главное... У него давно не было заработка.

До премьеры драмы оставалось совсем немного времени. Планировалось, что они будут репетировать 42 дня, по 12 часов в сутки. С этого момента Сянь Цай должен был войти в рабочий режим и начать лихорадочно декламировать свои реплики.

Думая о предстоящей ему жизни, занятой работой, Сянь Цай был полон энтузиазма. Он гордо

расправил крылья, желая спеть прямо сейчас.

Оказалось, что новый репетиционный зал располагался в театре «ШаньХэ» – да-да, в том же театре, где проходил курсовой спектакль Сянь Цая «Чумовые боты».

Яо Инь сел на табурет и, положив ногу на ногу, торжествующе покачал ступней.

- Это мой театр, используй его, как тебе угодно.

Только тогда Сянь Цай узнал, что Яо Инь был невероятно богатым человеком во втором поколении. Этим театром управляла его семья, и театр подарили Яо Иню на восемнадцатилетие, но тот не хотел зарабатывать на нем деньги, а просто искал свое счастье.

Когда Яо Инь узнал, что курс Сянь Цая на самом деле ставил спектакль в театре «ШаньХэ», то внезапно заинтересовался. Он взял Сянь Цая за подбородок и намеренно сузил глаза, сказав:

- Что это означает? Это значит, что мы с Сянь Цаем предназначены друг другу.

Проработав какое-то время с Яо Инем, Сянь Цай привык к его характеру.

Не смотрите на то, что Яо Инь часто шутил с Сянь Цаем наедине, – как только начиналась репетиция, он сразу же становился самым суровым режиссером, более страшным, чем сам Аид. Он ругал всех – от пианиста до скрипача и от скрипача до Сянь Цая. И если бы у кого-то из труппы оказался более слабый характер, то он постоянно плакал бы из-за бесконечной ругани.

К счастью, работа принадлежала работе, а жизнь – жизни.

Чтобы расположить к себе людей Яо Инь лучше всего умел использовать деньги. Десять минут он их сильно ругал, а затем улыбался и приглашал всех пообедать едой навынос из пятизвездочного отеля. И сколько бы обид у них не было, когда они пили чай с молоком и грызли куриные ножки, все эти обиды проваливались обратно в желудок.

.....

- Почему я думаю, что ты набрал вес? – сказал Тань Имин в машине.

- Ха? Правда?! – Сянь Цай на пассажирском сиденье, погруженный в свой сценарий, испуганно сел и в ужасе поднял голову.

- Ах, это должно быть потому, что в последнее время днем я часто перекусывал!

- Я тебе соврал, - увидев его таким, Тань Имин не удержался и снова поддразнил его. - Ты явно сильно похудел. Разве ты не видишь этого, когда по утрам смотришься в зеркало?

- Правда? - Сянь Цай слегка наклонил голову. - Я каждый день смотрюсь в зеркало, но не вижу, что похудел.

В последнее время он репетировал очень усердно. Он проводил в репетиционном зале ежедневно больше десяти часов и даже после возвращения домой продолжал декламировать свои реплики. При такой интенсивной нагрузке, даже хорошо и много питаюсь, Сянь Цай все равно не мог остановить потерю веса.

- Это потому, что ты недостаточно внимательно смотрел, - сказал Тань Имин.

Сянь Цай надолго задумался и будто бы небрежно спросил:

- А ты на меня очень внимательно смотришь?

- Ага, - легкомысленно признался тот, - я очень внимательно смотрю на тебя каждый день.

- ...

Юноша замолчал, быстро склонил голову и начал перелистывать страницы сценария. На самом деле лишь он сам знал, сколько ему удалось увидеть. Он надеялся только, что страницы шуршали достаточно громко, чтобы заглушить стук его сердца.

Так как репетиционный зал театра «ШаньХэ» находился неподалеку от компании Тань Имина, тот взял на себя задачу возить Сянь Цая на работу и забирать его после репетиций, чтобы каждый день проводить с ним больше времени.

В герметичном салоне машине дыхание двух людей сливалось воедино, как будто они были одним целым.

Зима была холодной, а вчера прошел сильный снегопад. Снег был глубоким, и, когда колеса машины наезжали на него, они оставляли за собой две колеи.

- На следующей неделе наступает Новый год, у тебя есть какие-нибудь планы? - спросил Тань Имин.

- Следующие несколько дней мы репетируем, как обычно, - тихо ответил Сянь Цай, покачав головой.

- ... - Тань Имин немного за него переживал. Он решил дождаться постановки спектакля «В ожидании полуночного солнца», а потом пригласить на просмотр всех сотрудников своей компании.

- Хорошо, утром 31 числа я отвезу тебя в репетиционный зал. Потом я поеду к родителям на обед в полдень, а во второй половине дня заеду за тобой, чтобы мы смогли вечером отпраздновать новый год вдвоем. Если ты не хочешь идти в ресторан, как насчет того, чтобы дома приготовить хого?

В мгновение ока прошло больше четырех месяцев с тех пор, как они начали жить в одном доме. Это был их первый совместный Новый год, но Тань Имин надеялся, что каждый новый год в будущем они будут проводить вдвоем.

Чувствуя огорчение, Сянь Цай послушно покачал головой:

- Все в порядке, оставаться одному для меня нормально. Ты давно не видел дядю и тетю, побудь с ними дома несколько дней.

Тань Имин хотел сказать: «Мне важнее быть рядом с тобой», но, когда слова уже почти сорвались с его губ, он быстро их проглотил, чтобы не испугать Сянь Цая.

- Вызвать такси от театра непросто, и мало кто из водителей выйдет на работу в особенный праздник. Зимой темнеет рано, поэтому я беспокоюсь, что ты пойдешь домой один.

- Все в порядке, - бодро ответил Сянь Цай. - Мелоди сказал, что живет в том же направлении, что и я, поэтому он сможет меня подбросить. К тому же, на Новый год он оказался в Хуачене один, так что я могу с ним поужинать.

Тань Имин:

- ...

Мелоди, Мелоди, Мелоди, и снова этот призрак Мелоди!

Сянь Цай пробыл в этой труппе недолго, но Тань Имин множество раз слышал имя «Мелоди» из его уст.

Тань Имин составил для себя образ Мелоди из того, что рассказал Сянь Цай: угрюмый музыкальный режиссер, богач во втором поколении, талантливый, гордый композитор, человек с непонятной сексуальной ориентацией, которому нравилось приставать на словах к Маленькому Лебедю.

Тань Имин подумал, что ему нужно найти любую возможность, потому что этот режиссер Мелоди может пробыть здесь какое-то время.

Маленький Лебедь только-только раскрылся – его нельзя дать похитить другим!

Автору есть, что сказать.

Изначально я хотела написать, как Дикий Гусь обороняет свою еду, а в итоге написала, про старину Таня, маринующего капустную лапшу... [Прим. англ. пер. Она хочет сказать, что сначала хотела написать про то, как Сянь Цай собственнически ревнует Тань Имина, а в итоге Тань Имин ревнует Сянь Цая к Яо Иню.]

P.S. «Пришла первая любовь» и «В ожидании полуночного солнца» – это выдуманные мной мюзиклы, они в реальности не существуют.

<http://bllate.org/book/13905/1225527>